

КУЛЬТУРНЫЙ
СЛОЙ

БОРИС НОСИК

Женщины Серебряного века

Портреты на фоне эпохи

Москва
ИЗДАТЕЛЬСТВО
РОДИНА
2024

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Н 84

Носик Б.М.

Н 84 Женщины Серебряного века. Портреты на фоне эпохи /
Б.М. Носик. – М.: Родина, 2024. – 368 с. – (Культурный слой).

ISBN 978-5-907351-41-7

Серебряный век русской литературы стал глотком свободы накануне удушья. Предлагаемая книга представляет собой женский портрет эпохи. Красота, одаренность, дерзость, непредсказуемость, – всеми этими качествами обладали роковые и свободные амазонки начала века. Их вы встретите на страницах этой книги – Людмилу Вилькину и Нину Покровскую, Надежду Львову и Аделину Адалис, Зинаиду Гиппиус и Черубину де Габриак, Марину Цветаеву и Анну Ахматову, Софью Волконскую и Ларису Рейснер, Инессу Арманд и Майю Кудашеву-Роллан, Саломею Андронникову и Марию Андрееву, Лиллю Брик, Ариадну Скрябину, Марию Скобцеву... Они создавали великие стихи и вдохновляли гениальных поэтов. Читайте и удивляйтесь!

**УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6-4**

ISBN 978-5-907351-41-7

© Носик Б.М., 2024

© ООО «Издательство Родина», 2024

ЧТО ЗА ВЕК? ОТКУДА ОН ПРИШЕЛ?

Серебряный век. Сколько о нем уже понаписано, об этом веке! Книг, диссертаций, просто стихов. И каких! Вроде этих вот. Георгия Иванова, которые я впервые услышал от поэта Лени Латынина в молодости, лет сорок тому назад:

Январский день. На берегу Невы
Несется ветер, разрушеньем вея.
Где Олечка Судейкина, увы!
Ахматова, Паллада, Саломея?
Все, кто блистал в тринадцатом году, —
Лишь призраки на петербургском льду.

Мы стояли с Леней на набережной над залитым солнцем кокетельским пляжем... Дочитав, Леня замолчал, и мы, как ни странно, испытали ту же ностальгию, что пережил бедный Георгий Иванов на курортном берегу Средиземного моря.

А между тем, близился час обеда, и мне надо было искать моего худенького Антошу, а Лене — его лохматую, рыжеволосую Юлечку. В общем, нам надо было спешить за детьми, но мы с Леней никуда не шли, стояли, читали стихи и рассуждали о загадочных «женщинах Серебряного века», которых мы сроду не видели... А ведь можно было еще тогда навестить старенькую Марью Степановну Волошину, послушать ее невнятное бурчание. Впрочем, она ведь и в молодости не была ни Саломей, ни Палладой, ни Олечкой Судейкиной...

Леня в том 1973-м еще был здоровенным бугаем в расцвете сил, да я и сам мог сойти за дочерна загорелого восточного красавца... А кокетельский пляж сверкал внизу прелестью

женских и детских лиц, жизнь еще не грозила нам «тем ужасом, который был бегом времени когда-то наречен». А вот, поди ж ты, как разволновали нас тогда эти шесть строк эмигранта Георгия Иванова.

... Мы оба взглянули на башню волошинского дома. Там они все бывали — и Аморя, и Майя, и Черубина, и Марина, и Аделаида, а может, и Саломея с ненасытной Палладой бывали тоже... Они уже все вошли в легенду, эти женщины Серебряного века, да и сам этот век вошел в легенду...

Откуда оно, кстати, пришло это не слишком старинное (и, как отметил один знаток, не лишенное жеманства) название «Серебряный век», когда было пущено в обиход любителями искусств и поэзии?

Можно догадаться, что «металлическое», скорее даже ювелирно-антикварное это название родилось по аналогии с «золотым», Пушкинским веком, в который на скудную ниву родной нашей словесности впервые пролился столь щедрый и благотворный ливень поэзии. Взошло на поэтическом горизонте солнце Пушкина в окружение других, более скромных светил, вослед ослепительным метеором пронесся чудный Лермонтов, да и вообще, стало о чем говорить грамотному русскому читателю, что читать. В короткий срок рождены были русская поэзия, проза, драматургия, эссеистика. Подобно ее французской, английской и немецкой предшественницам и наставницам, русская поэзия вдохновлялась прежде всего любовью. К Богу, к природе, к земле, к женщине. Женщины, кстати, и потребительницами-читательницами стали едва ли не самыми главными. Понятное дело, читали они не только по-русски (еще долгое время бродили по дорожкам усадебных парков «с французской книжкой в руках»), но позднее уж и по-русски тоже читали, с каждым годом все больше.

Родная литература донесла до нас образы этих читающих девочек и женщин. Скажем, образ пушкинской (она же была и «онегинская») Татьяны, которой «рано нравились» и буквально все на свете заменяли романы. Потом уж и ее собственное чудное имя вошло в культурный наш обиход, а потом и перешагнуло русский рубеж.

Дом Максимилиана Волошина в Коктебеле.

*Дверь отперта. Переступи порог.
Мой дом раскрыт навстречу всех дорог.
В прохладных кельях, беленных известкой,
Вздыхает ветер, живет глухой раскат
Волны, взмывающей на берег плоский,
Полынный дух и жесткий треск цикад.*

(М. Волошин «Дом поэта», 25 декабря 1926 г.)

Милые русские женщины Золотого века в огромном своем большинстве выдержали испытание на нежность и верность.

Когда их мужья, возжелавшие призрачной европейской свободы или какой ни то конституции, были закованы в кандалы и посланы на каторгу, эти прекрасные утонченные женщины, отрекшись от роскоши своих городских и сельских дворцов, добровольно ушли за мужьями в Сибирь. Их подвиг был воспет русской поэзией ... Помню, как историей этого подвига до последних дней жизни бредил мой московский друг режиссер Владимир Мотыль, поставивший о нем фильм. Любимой героиней Мотыля была жена декабриста Анненкова (по крови она была, кстати, чистой француженкой, но кто из приличных людей возьмется сегодня мерить русскость составом нашей крови — крови финской, татарской, английской, украинской, немецкой, калмыкской, французской, еврейской, польской...)

Люди трезвые уточнят, конечно, что не все женщины Золотого века были способны на подвиг столь высокой верности. Соглашусь, что я и сам не очень представляю себе, как ринулась бы легендарная Анна Петровна Керн вослед господину Керну (попади он в такую беду) со всей оравой своих любовников. А ведь и она вошла в пантеон Золотого века с этими «чудным мгновеньем» и «мимолетным виденьем» неукротимого женолюбца Пушкина (заметим, впрочем, что «гений чистой красоты» пришлось ему, для вящей выразительности, все же позаимствовать у своего учителя Жуковского, воспевшего в этих словах прусскую принцессу Шарлотту). Так что все же вошла в школьные святцы и эта обольстительная дама, оказавшись в нужный момент в нужном месте и вдохновив раззадоренного поэта на бессмертные строки.

Таковыми же музами-эгериями для целой вереницы блестящих русских поэтов суждено было стать и далеко не безгрешным красавицам Серебряного века, о которых пойдет рассказ в нашей книге. Причем иные из них не только оказались вдохновительницами, но и сами писали... Не забудем, конечно, что между этими новыми, «серебряными» эгериями и женщинами золотого века пролегло добрых полстолетия, отмеченного многими переменами и увидевшего разнообразных героинь — и жертвенных «нигилисток», и отчаянных террористок...

Если о Золотом веке русской поэзии принято было говорить и писать в России уже в середине XIX века, то о некоем Серебряном заговорили лишь с двадцатых годов XX века. Напомню, что тогда о нем написал критик Иванов-Разумник, что и Марина Цветаева упоминала о «детях Серебряного века». Что в парижской эмиграции употребляли этот термин поэт и мэтр Николай Оцуп, критик Владимир Вейдле, что бывший некогда редактором журнала «Аполлон» Сергей Маковский подготовил объемистую книгу мемуарных очерков — «На Парнасе “Серебряного века”».

В распространении этого термина немалую роль сыграла и ахматовская «Поэма без героя», где найдешь такие строки:

...серебряный месяц ярко
Над серебряным веком стоит.

Мало-помалу выяснилось, что начало XX века отмечено было не только всеобщим и всяческим упадком или декадансом (о чем мы помнили еще со школы), но также и «русским ренессансом, культурным, духовным, мистическим, художественным» (так, во всяком случае, утверждал ставший снова вполне авторитетным Николай Бердяев). Хотя и он не мог не признать попутно, что упомянутый нами выше упадок все же, что ни говори, имел место. Отчетливей этим упадком были даже более отмечены сами жизни наших героинь и героев, чем их творчество.

Прославленный этот век, по мнению большинства исследователей, длился не слишком долго, меньше столетия, еще точнее, с 90-х годов XIX века до мрачного 1921-го, когда расстреляли Гумилева и умер Блок, признавший наконец, что дышать в России стало нечем, что самый воздух был выкачан насильем...

Впрочем, иные из творцов и красавиц Серебряного века ухитрились выжить (вовремя уехав в эмиграцию), некоторые продолжали там писать, а иные (скажем, Георгий Иванов) свои лучшие вещи написали именно там, много лет спустя. До самых восьмидесятых годов минувшего века дожили и некоторые из бывших красавиц Серебряного века. Автору этой книги довелось встречаться с ними в Париже, о чем он, конечно, не умолчит.

Что же до вышеупомянутого падения нравов, то оно было неизбежно в приближение конца эпохи, в преддверии краха и перемен: такое уже видели люди наблюдательные, а люди ученые даже описывали — не обязательно чтоб историки или социологи, но и просто люди образованные, в том числе, писатели. Вот как писал, к примеру, любимый писатель моей подруги Наташи Трауберг англичанин Г.К. Честертон:

Античный мир захлебнулся в утонченном разврате, во всех видах порока, возведенных в обычное и ставших повседневностью. Чтобы сохраниться, человечество должно было само на себя наложить епитимью, уйти в пещеры, объявить греховной самую плоть.

Любой школьник догадается здесь, что просто должно было приди Средневековье...

Что же до мировой катастрофы начала XX века, то «утонченный разврат» Серебряного века ей сопутствовал и, увы, никуда не делся ни в пору кровавой борьбы за власть, ни в пору нового, надолго утвердившегося ханжеского насилия. Недаром одна из самых знаменитых женщин Серебряного века, прославившаяся «законодательницей новой морали» и преуспевшая в реализации «великого эксперимента» насильников, так подытоживала опыты большевистской «сексуальной революции» в убогом быту тогдашней России, что была дотла разорена соратниками (и любовниками) упомянутой нами законодательницы нравов и мод:

В самом деле, какие только формы брачного и любовного общения не примеряет к себе современное человечество, а однако сексуальный кризис от этого ни на йоту не смягчается. Такой пестроты брачных отношений еще не знавала история: неразрывный брак с устойчивой семьей и рядом преходящая свободная связь, тайный адюльтер в браке и откровенное сожительство девушки с ее возлюбленным — «дикий брак», брак парный и брак втроем и даже сложная форма брака вчетвером. Можно лишь удивляться, как уда-